

А.А. Туаллагов

Алан Ахсарович Туаллагов

Центр скифо-аланских исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук, доктор исторических наук, Россия, Владикавказ, e-mail: alan167@mail.ru

К истории ныхаса (II)

Аннотация. В статье анализируются вопросы конструктивных особенностей ныхасов как археолого-архитектурных памятников в контексте их генезиса и определенных культовых представлений. Особое внимание уделяется материалам осетинского эпоса. Проведенный анализ позволяет полагать, что нет оснований возводить некоторые конструктивные особенности памятников к традициям стороннего для осетин населения. Материалы Нартовского эпоса осетин позволяют отметить связь древних ныхасов с аграрными культурами. В них могли проявляться элементы контактов с иноэтническими культурами, что исторически объяснимо.

Ключевые слова: ныхас, археолого-архитектурные памятники, Нартовский эпос.

Alan A. Tuallagov

Abaev V.I. Centre for Scytho-Alanic Studies of VSC RAS, Dr., Russia, Vladikavkaz, e-mail: alan167@mail.ru

To the history of nykhas (II)

Abstract. The article analyzes the issues of design features of nykhas as archaeological and architectural monuments in the context of their genesis and certain cult ideas. Particular attention is paid to the materials of the Ossetian epic. The analysis suggests that there is no reason to erect some design features of the monuments to the traditions of a third-party population for Ossetians. The materials of the Nart epic of the Ossetians allow us to note the connection of the ancient nykhas with agrarian cults. They could show elements of contacts with other ethnic cultures, which is historically explainable.

Keywords: nykhas, archaeological and architectural monuments, Nart epic.

На территории Осетии неоднократно фиксировались, хотя, к сожалению, и не полностью, каменные плиты-сидения, обычно выставленные по кругу. Некоторые из них определялись как «нартские ныхасы», что свидетельствует о глубокой древности памятников, связываемых с эпическими предками осетин – нортами. Ныхасы могли окружаться вкопанными вертикальными камнями, иметь оформленные проходы и пр. На ныхасах кроме плит-сидений отмечены и специальные плиты-жертвенники, что свидетельствует о проведении на них определенных культовых действий. Были приняты и оригинальные попытки определения таких действий [25].

С данными объектами связаны и луночные камни, для которых представлены разнообразные объяснения и предположения [16, с. 274–276; 15, с. 104–106; 24, с. 25–27; 21, с. 95–98 и др.]. По наблюдениям специалистов, «нартские ныхасы» и аналогичные им памятники являются ценными дохристианскими памятниками аланского периода. Первоначально они служили святилищами, посвященными женскому божеству, но в дальнейшем их роль трансформировалась, и они стали исключительно мужскими святилищами [25, с. 296–309].

Исследователи указывали на наличие на некоторых осетинских ныхасах обработанных каменных стульев-кресел старейшин – *хистæры бандон*, *хистæры дур* [29, с. 13, 15], что сопоставлялось с образцами из высокогорных областей Грузии. Полагалось, что такие ныхасы, имевшие локальное

значение, относятся к доосетинскому (доаланскому) населению – «двалам», связанным с древнекартвельским или древненахским миром. Обращалось внимание на мнение о давнем проживании в тех местах неосетинских народов. На собственно осетинских, а потому особо значимых ныхасах таких стульев-«кресел» якобы не было [30, с. 66–82]. Данная позиция иногда некорректно передавалась [9, с. 196] в других публикациях.

Но, во-первых, такое этническое определение двалов не является строго установленным. Во-вторых, в действительности, ареал осетинских ныхасов со стульями-«креслами» оказывается шире обозначенного. Аланское население заселяло горные районы еще с эпохи раннего средневековья [25, с. 295–296]. Следует согласиться со справедливостью замечания о спорности тезиса об аланском культурном влиянии на соседние народы Кавказа в вопросе становления у них общественных институтов типа осетинского ныхаса [14, с. 66]. Однако указание при этом на альтернативу в лице «двальского» решения [14, с. 285, прим. 4] также достаточно спорно. По мнению исследователей, народное собрание двалов, фиксируемое затем в осетинской среде в виде ныхаса, представлено в «Памятнике эриставов» конца XV в. [11, с. 200]. Заметим, что в источнике мы наблюдаем социальное, но не этническое противопоставление двалов Южного Кавказа и осетин, пришедших с Северного Кавказа.

Кроме того, определение того же ныхаса у с. Лац как «нартского» включает его в систему древнего

осетинского наследия, соответствующе оформленного и идеологически [13]. Среди прежнего горского населения называются греки, грузины и кабардинцы, т. е. речь идет о современных народах, что не может быть прямо связано с реальной историей. Те же кабардинцы никак не могли быть подобным населением. Не могли быть ими и греки. Хотя следует учитывать, в частности, что определение «грек» отражало представления о христианине, что противоречит «языческому» характеру ныхасов. Но оно могло относиться и к самому аланскому населению, чьи потомки осетины впоследствии отошли от христианства и стали таким образом обозначать прежнее население.

Исторически отрицается и связь памятников с грузинами, видимо, появляющимися в позднейших интерпретациях за счет непосредственного соседства народов. Объективно чем-либо подтвердить прежнее проживание «грузин» в указанных местах не представляется возможным, что не отрицает прямых и тесных осетино-грузинских контактов. Строго говоря, если и следовать предлагавшейся трактовке ныхасов с отдельными стульями-«креслами», а не со всеми подобными сиденьями, как представлено на сопоставляемых памятниках, то мы не можем их отделить от вероятности отражения межкультурных контактов или ассимиляции некоторой части иноэтничного населения в аланской среде.

Исследователи обратили внимание на материалы осетинского Нартовского эпоса, в которых представлен «серый камень забвения горя», находившийся на ныхасе [25, с. 298]. Речь идет о камне «фудиронхгæнæн цъæх дор», фигурирующий в дигорских вариантах сказания [23, ф. 323, 328, 329, 335, 550]. Само название не допускает наличия полагаяемых сомнений [8, с. 18–20] в его точном значении.

Камень также носит название «Зæрдæ исæрхæн дор» [23, ф. 335, 551] – «Камень увеселению сердца». Следует заметить, что данный камень не носил, как предполагают, название «дзыхъ дур», в котором «фиксируется слово *дзыхъ* – выемка, ямка», объясняемое выбором лексемы по фонетическому подобию или реальной характеристикой камня за счет наличия у него углублений [8, с. 21]. Луночные камни, как отмечалось выше, представлены на ныхасах, не имея никакой связи с «фудиронхгæнæн цъæх дор», а «дзыхъ дур» относится к камню, на котором сидел обычно на ныхасе Уырызмаг [23, ф. 520] – *хистæры дур*. Его характеристика как «дзыхъ» адекватно отражает форму обработанных каменных стульев-кресел старейшин на ныхасах, а соответствующую форму стула-кресла нарта Уырызмага и сегодня можно видеть на знаменитом ныхасе у с. Лац.

В сказании речь идет о том, как нарт Оразмаг случайно убил своего безымянного сына [28, с. 15]. Несчастье произошло в подводном царстве, где мальчик тайно воспитывался у родственников по

материнской линии – дочери морского божества. Сам мотив сюжета сказания рассматривается как матриархальный [2, с. 146]. Убийство совершается в момент, когда нарт сидит за столом, который у осетин служил и жертвенником. По мнению исследователей, в данном эпизоде представлена очевидная связь между смертью ребенка и жертвоприношением [10, с. 113; 12, с. 240–241]. Причем само жертвоприношение обусловлено идеей преодоления наступившего хаоса и восстановления миропорядка [12, с. 235–241]. Мотив сна нарта на данном камне ныхаса обоснованно связывается с ритуалом «умирания». Связь ныхаса с потусторонним миром просматривается и в мотиве погребения в его центре Сырдона [25, с. 298–300].

В образе камня усматривают типологическую параллель Синему камню восточных славян, который тоже может быть символом горя и несчастья [3, с. 232]. Исследователи относят название камня к формулам-фразеологизмам мифо-ритуального комплекса традиционной культуры осетин, входящим в обрядовый текст и когда-то связанным с обрядами, обычаями и верованиями [4, с. 150]. Данное справедливое заключение раскрывается и через конкретные разработки других исследователей.

Некоторые из них предложили параллель эпическому камню в лице «камня скорби» у «колодца дев», у ворот Элевсина, на котором сидела богиня плодородия и земледелия Деметра, горевавшая по своей дочери Персефоне, украденной богом подземного мира Плутоном [1, с. 37–38; 7, с. 56; 5, с. 299]. Другие ученые усмотрели параллель в лице камня Неджмункаш – «Камень забвения», известный по представлениям небольшой народности в Южной Индии. Он располагался на входе в Страну мертвых, и коснувшийся его грудью умерший забывал о живых, чтобы находиться в Стране мертвых счастливо и без печали. Причем при таком сопоставлении отказывалось сравнению с греческим материалом на том основании, что в нем камень лишен какого-либо предназначения, а Деметра не ищет забвения, но, культивируя свое горе, более не выполняет функций обеспечения плодородия, ввергая людей в голод [18, с. 119].

Безоговорочно принять такое отрицание не представляется возможным. Осетинский «фудиронхгæнæн цъæх дор» предназначен для забвения живых, а не мертвых, как в случае с индийским Неджмункаш [8, с. 17]. И для нарта, и для Деметры в эпизоде о сидении на камне характерна отрешенность от земного мира, т. е. речь идет о его забвении. Оба сказания развиваются в рамках связи с потусторонним миром, в котором представлены образы богинь, с идеей наступления хаоса и последующего восстановления миропорядка. Причем мотив голода ярко представлен и в нартском сказании. Эта отрицательная коннотация представляется и в образах старика Оразмага и Деметры, принимающей облик старухи.

В мистериях, проходивших в святилище Элевсина, перед «камнем скорби» Деметры танцевала служанка Ямба-Баубо. Под конец она протягивала богине в дар яйцо, которое помещалось в середине круглого камня со многими выемками, которые предназначались для жертвоприношения зерна [17, с. 37, 239–240]. Таким образом, перед нами вновь возникает образ луночного камня в святилище, посвященном богине, напоминающая о луночных камнях осетинских ныхасов, прежде служивших святилищами богини, предстает идея миропорядка и жертвоприношения. Возможно, луночные камни на осетинских ныхасах были связаны с определенными аграрными культами.

Элевсинские мистерии, проходившие в г. Элевсин, располагавшемся в 22 км от Афин, не должны казаться чем-то далеким от тех исторических реалий, к которым имели непосредственное отношение создатели нартовских сказаний. Представители Боспорского царства, чьи европейские и азиатские владения располагались в Крыму и на Тамани, посещали Элевсин и посвящались в его мистерии. Впоследствии посвященные исполняли роли жрецов и жриц у себя на родине, где знакомство с мистериями подтверждается находками сосудов с соответствующими росписями [26, с. 109–132].

Боспорское царство исторически было тесно связано со скифами, а позднее с сарматами и аланами. Данное положение складывалось и в соседней Синдике, со столицей на месте современного г. Анапа, где на поселении Вестник 1, по одной из интерпретаций исследователей, обнаружено монументальное здание храма элевсинских богинь [27, с. 163]. Синдика была одним из самых эллинизированных царств региона. Об этническом происхождении самих синдов среди исследователей до сих пор нет единого решения, а среди предложенных гипотез представлена и гипотеза об их ираноязычии [6, с. 229–234]. Впоследствии на землях синдов поселялись и ираноязычные аспургиане, тесно связанные с

сармато-аланским миром. В одном из литературных произведений Лукиана Самосатского подчинить синдов перед Боспором обязались аланы. В осетинском Нартовском эпосе синды скрываются за образом чинтов как самый близкий и союзный нартам народ.

Обращают на себя внимание наблюдения специалистов в отношении ныхаса Лезгора. Расположенные амфитеатром камни включают в себя луночные камни, а внутри каменной ограды располагается большой плоский камень, возможно, жертвенник. В полнолуние только от этого камня можно наблюдать восход луны точно из-за пика горы Уорс хонх. За камнем у каменной ограды расположены три плоских небольших камня, которые могли служить сиденьями для людей, обладавших сакральными полномочиями, ожидавших здесь восхода луны и приносивших жертву на этом большом плоском камне [20, с. 61]. Подобные лунарные культы обычно связаны с идеей плодородия и образами Великих Богинь.

Исследователи обратили внимание, что такие камни использовались также в средневековых христианских постройках. Так, отмечается находка луночного камня между остатками средневекового безапсидного храма и башни, составляющими единый комплекс *Мады Майрæм* в Куртатинском ущелье, который появился, как полагают, не ранее XIV в. По преданию, в башне некогда висел золотой котел. Название *Мады Майрæм* – «Мать Мария» связано с образом Богоматери, но, как известно, в его основе лежит образ более древнего аланского женского божества. Находка камня сопоставляется с известной находкой у с. Лац. Полагается [19, с. 155], что в процессе христианизации символика таких камней могла быть переосмыслена. Блоки из таких камней с высеченными крестами представлены в замковом комплексе в с. Згил и в церкви Цминда Георги в с. Чимас. Из такого камня изготовлен известный археологический памятник – крест *Зылын цырт* у с. Заманкул.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. Нартовский эпос // Известия СОИИИ. – Дзауджикау, 1945. Т. X. Вып. I. 118 с.
2. Абаев В.И. Нартовский эпос осетин // Абаев В. И. Избранные труды. – Владикавказ, 2020. Т. I. Религия, фольклор, литература. С. 122–205.
3. Агеева Р.А. Синие камни в традиционной культуре восточных славян // Балто-славянские исследования – XX: Сборник научных трудов. – М., 2019. С. 207–236.
4. Бесолова Е.Б. О лингвистическом аспекте эпической формулы в Нартиаде // Известия СОИГСИ. – Владикавказ, 2022. Вып. 45 (84). С. 140–153.
5. Гаглойти Ю.С. Осетино-абхазские нартские параллели // Гаглойти Ю.С. Нарты и аланы. – Цхинвал, 2017. С. 296–320.
6. Горончаровский В.А. Глава III. Цари и аристократия Синдики V–начала IV вв. до н. э. // Боспорские исследования: сборник. – Керчь, 2017. Вып. XXXIV. Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени. С. 224–259.
7. Гуриев Т.А. К проблеме генезиса осетинского Нартовского эпоса (о монгольских влияниях). – Орджоникидзе: Ир, 1971. 165 с.
8. Гутиева Э.Т. О цвете серого камня забвения // Всероссийские Миллеровские чтения. – Владикавказ, 2019. Вып. VII. С. 15–33.
9. Гутнов Ф.Х. Горский феодализм. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. Ч. III. Северный Кавказ в XIII–XIV вв. 494 с.

10. Джанаева Н.А. Некоторые мифологические мотивы в нартском эпосе осетин // Вопросы осетинской литературы и фольклора. – Орджоникидзе, 1984. С. 103–119.
11. Дзаттиаты Р.Г. Культура позднесредневековой Осетии. – Владикавказ: Ир, 2002. 432 с.
12. Дзиццойты Ю.А. Нарт Урузмаг и его сыновья // Дзиццойты Ю.А. Вопросы осетинской филологии. – Цхинвал, 2017. Т. I. С. 233–244.
13. Дзиццойты Ю.А., Кочиев К.К. Нарты и ваюги в селении Лац: на границе двух миров // Дзиццойты Ю.А. Вопросы осетинской филологии. – Цхинвал, 2017. Т. I. С. 260–266.
14. Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. – СПб.: МАЭ РАН, 1996. 311 с.
15. Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X–XII веках: К истории средневекового города. – Ставрополь: Кавказская библиотека, 1993. 464 с.
16. Кусов Г.И. Неизвестная Осетия: Необычные экскурсии по Республике Северная Осетия-Алания. – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2006. 416 с.
17. Лауэшттайн Д. Элевсинские мистерии. – М.: Энигма, 1996. 368 с.
18. Мамиева И.В. Мотив памяти-забвения в Нартовском эпосе // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: Сборник научных трудов. – Владикавказ, 2017. Вып. 4. С. 118–124.

19. Мамиев М.Э. Храмовый комплекс Мады Майрæм в Северной Осетии-Алании // Грамота. 2017а. № 12 (86). Ч. 5. С. 153–156.
20. Мошинский А.П. Горная Дигория в древности. Поиски и находки // Дигорский язык: генезис, проблемы, перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции. 9–11 октября 2021 г.: Сборник научных трудов. – Владикавказ, 2021. С. 34–65.
21. Мошинский А.П., Скаков А.Ю. Культы кобанского поселения Сауар (Северная Осетия) // Материалы и исследования по археологии России. – М., 2001. № 3.
22. Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. Сборник статей. С. 86–102.
23. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. – Дзæуджыхъæу: Гасыты Викторы номыл рауагъдадон-полиграфон куыстуат, 2003. Ч. 1. 592 ф.
24. Новичихин А.М. Плиты с чашевидными углублениями из района Анапы // Историко-археологический альманах. – Армавир – М., 1995. № 1. С. 23–27.
25. Скаков А.Ю. «Нартовские ныхасы» на Кавказе // Мирово-
- нимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти Валерия Николаевича Чернецова. Сборник статей. – М., 2006. С. 282–312.
26. Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладe и Северном Причерноморье // Античная библиотека. Исследования. – СПб.: Алетейя, 2010. 464 с.
27. Сударев Н.И., Гарбузов Г.П. К вопросу о колонизации Боспора // Таврические студии. Исторические науки. – Симферополь, 2015. № 7. С. 156–165.
28. Хамицаева Т.А. Комментарии и глоссарий // Нарты. Осетинский героический эпос в трех книгах. – М., 1991. Кн. 3. С. 6–118, 163–170.
29. Чиковани Г.Д. Из общественного быта осетин – ныхас (Диссертация на грузинском языке). 07.00.07. Автореф. ... канд. ист. наук. – Тбилиси: Мецниереба, 1972. 25 с.
30. Чиковани Г.Д. Один из видов площадей народного схода горного Кавказа // Кавказский этнографический сборник. – Тбилиси, 1988. Т. VII. С. 66–84.

REFERENCES

1. Abaev V. I. Nart epic // *Proceedings of SOIGSI. – Dzaudzhikau*, 1945. T. X. Iss. I. 118 p.
2. Abaev V. I. Nart epic of the Ossetians // *Abaev V. I. Selected works. – Vladikavkaz*, 2020. T. I. Religion, folklore, literature. P. 122–205.
3. Ageeva R. A. Blue stones in the traditional culture of the Eastern Slavs // *Balto-Slavic studies–XX: Collection of scientific papers. – Moscow*, 2019. P. 207–236.
4. Besolova E. B. On the linguistic aspect of the epic formula in the Nartiad // *Proceedings of SOIGSI. – Vladikavkaz*, 2022. Iss. 45 (84). P. 140–153.
5. Gagloiti Yu. S. Ossetian-Abkhazian nart parallels // *Gagloiti Yu. S. Narts and Alans. – Tskhinvali*, 2017. P. 296–320.
6. Goroncharovsky V. A. Chapter III. The kings and aristocracy of the Syndics of the V–beginning of the IV centuries BC // *Bosporos studies: a collection. – Kerch*, 2017. Vol. XXXIV. The elite of the Cimmerian Bosphorus: traditions and innovations in the aristocratic culture of the Pre-Roman period. P. 224–259.
7. Guriev T. A. On the problem of the genesis of the Ossetian Nart epic (about Mongolian influences). – *Ordzhonikidze: Ir*, 1971. 165 p.
8. Gutieva E. T. About the color of the gray stone of oblivion // *All-Russian Miller readings. – Vladikavkaz*, 2019. Iss. VII. P. 15–33.
9. Gutnov F. Kh. Mountain feudalism. – *Vladikavkaz: IPTs SOIGSI VNTs RAS and RNO-A*, 2014. P. III. North Caucasus in the XIII–XIV centuries. 494 p.
10. Dzhanava N. A. Some mythological motifs in the Nart epic of the Ossetians // *Questions of Ossetian literature and folklore. – Ordzhonikidze*, 1984. P. 103–119.
11. Dzattiaty R. G. Culture of Late Medieval Ossetia. – *Vladikavkaz: Ir*, 2002. 432 p.
12. Dzitssoity Yu. A. Nart Urzmag and his sons // *Dzitssoity Yu. A. Issues of Ossetian philology. – Tskhinval*, 2017. T. I. P. 233–244.
13. Dzitssoity Yu. A., Kochiev K. K. Narts and wayugs in the village of Lats: on the border of two worlds // *Dzitssoity Yu. A. Issues of Ossetian philology. – Tskhinval*, 2017. T. I. P. 260–266.
14. Karpov Yu. Yu. Dzhigit and the wolf. Male unions in the socio-cultural tradition of the highlanders of the Caucasus. – *St. Petersburg: MAE RAS*, 1996. 311 p.
15. Kuznetsov V. A. Lower Arkhyz in the X–XII centuries: On the history of a medieval city. – *Stavropol: Caucasian Library*, 1993. 464 p.
16. Kusov G. I. Unknown Ossetia: Unusual excursions in the Republic of North Ossetia-Alania. – *Vladikavkaz: Publishing and Printing Enterprise named after V. Gassiev*, 2006. 416 p.
17. Laetstein D. Eleusinian mysteries. – *Moscow: Enigma*, 1996. 368 p.
18. Mamieva I. V. The motive of memory-oblivion in the Nart epic // *Nart studies in the XXI century: modern paradigms and interpretations: A collection of scientific papers. – Vladikavkaz*, 2017. Iss. 4. P. 118–124.
19. Mamiev M. E. Temple complex of Mady Mayræm in North Ossetia-Alania // *Diploma*. 2017. № 12 (86). P. 5. P. 153–156.
20. Moshinsky A. P. Mountain Digoria in antiquity. Searches and finds // *Digorsky language: genesis, problems, prospects. Materials of the International scientific-practical conference. October 9–11, 2021: Collection of scientific papers. – Vladikavkaz*, 2021. P. 34–65.
21. Moshinsky A. P., Skakov A. Yu. Cults of the Koban settlement Sauar (North Ossetia) // *Materials and research on the archeology of Russia. – Moscow*, 2001. № 3.
22. North Caucasus: historical and archaeological essays and notes. Collection of articles. P. 86–102.
23. Nart legends: the epic of the Ossetian people. – *Dzæudzhikhæu: Publishing and Printing Enterprise named after V. Gassiev*, 2003. B. 1. 592 p.
24. Novichikhin A. M. Slabs with bowl-shaped depressions from the Anapa region // *Historical and Archaeological Almanac. – Armavir–Moscow*, 1995. № 1. P. 23–27.
25. Skakov A. Yu. «Nart Nykhas» in the Caucasus // *World outlook of ancient and traditional societies of Eurasia. In memory of Valery Nikolaevich Chernetsov. Collection of articles. – Moscow*, 2006. P. 282–312.
26. Skrzinskaya M. V. Ancient Greek holidays in Hellas and the Northern Black Sea region // *Antique Library. Research. – St. Petersburg: Aletēya*, 2010. 464 p.
27. Sudarev N. I., Garbuzov G. P. On the question of the colonization of the Bosphorus // *Tauride studies. Historical sciences. – Simferopol*, 2015. № 7. P. 156–165.
28. Khamitsaeva T. A. Comments and glossary // *Narts. Ossetian heroic epic in three books. – Moscow*, 1991. B. 3. P. 6–118, 163–170.
29. Chikovani G. D. From the social life of the Ossetians – nykhas (Dissertation in Georgian). 07.00.07. Autoref. ... cand. hist. sciences. – *Tbilisi: Metsniereba*, 1972. 25 p.
30. Chikovani G. D. One of the types of squares of the people's gathering of the mountainous Caucasus // *Caucasian ethnographic collection. – Tbilisi*, 1988. T. VII. P. 66–84.